

A man and a woman are standing in a greenhouse with a large, ornate arched glass ceiling. The woman, on the left, has long dark hair adorned with orange flowers and wears a light-colored, lace-trimmed dress. The man, on the right, is dressed in a dark suit. They are both looking at a single black rose that the woman is holding. The rose is in a dark, classical-style vase which sits on a stone pedestal in the foreground. The background is filled with various plants and the warm, golden light of the sun filtering through the glass panes.

Владимир Кожевников

Литургия
Увядшего Сада

Владимир Кожевников

Литургия Увядшего Сада

<https://litres.ru/74300238>

SelfPub; 2026

Аннотация

В декадентском мире фейри, где магия черпается из тления, леди Итанэ из Дома Вечного Цветения — заложница при дворе врага. Её принуждают к браку с лордом Каэлом, Садовником Мертвых, некромантом-ботаником, видящим в смерти изящный покой. Их союз — политическая уловка, но за ним тайна: кровь Итанэ должна стерилизовать его род. В лабиринтах замка, пропахшего мумифицированной лавандой, среди гербариев из засушенных душ и саркофагов, где безмолвно плачут прежние жёны, рождается мрачное влечение. Вместе они создают невозможное — чёрную розу, симбиоз жизни и смерти, — и понимают, что их общая сила способна разрушить вековые клятвы и породить чудовищную, невиданную форму любви. Но сумеет ли Итанэ выбрать между долгом и чувством, когда на кону судьба обоих Домов?

Содержание

Глава 1. Невеста из шипов и пепла	4
Глава 2. Анатомия увядания	9
Глава 3. Урок первый — Агония корней	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Кожевников

Литургия Увядшего Сада

Глава 1. Невеста из шипов и пепла

Покои наследника благоухали лавандой. Запах был извлечен из саркофага времени — мумифицированный, сухой, царапающий ноздри, как истлевший бархат. Он был страшнее трупного смрада. Тот давал обещание финала, честной, смиренной энтропии. Этот же аромат сулил вечность, лишённую покоя, — консервацию, сворованную у червей. Итанэ заставила себя дышать им. Медленно. Глубоко. Изучая его ноты, словно новый, неизвестный ранее яд, к которому её готовили с детства.

Пол был кладбищем гигантов. Поперечные спилы окаменелых дендроидов — существ, бывших и плотью, и мыслью, — лежали под её босыми ступнями. В каждом отполированном до зеркального блеска срезе застыл предсмертный миг: беззвучный крик, спутанный клубком сложный узор; последний вздох, обратившийся идеальной спиралью. Она шла по их лицам. По чужим, навеки замерзшим мгновениям.

Раскаяния не было. Был холодный, липкий страх, скрутивший внутренности, но поверх него — ясная, кристальная мысль: «Изучай». Её, леди Итанэ, последний живой сапфир

Дома Вечного Цветения, отдали этому храму Увядания. Но даже самый смиренный ягненок, как шептал ей когда-то отец, может носить зубы гадюки, если его правильно воспитать.

Ткань брачного одеяния давила на плечи. Она была соткана из «плакальщицы» — грибницы, выющей по последнему ложу ушедших в небытие невест. Шелк казался неестественно гладким, прохладным, словно змеиная чешуя. Саван. Её облачили в венчальный саван. Символизм душил своей пошлой прямотой, призванный растоптать её гордость прежде, чем к ней прикоснется жених.

Клавесин захлебывался в глубине замка. Резкие, отрывистые ноты — словно молоточки били по клавишам из полированной кости. Погребальная сарабанда. Они праздновали. Что веселило их больше: конец династической войны или её, столь изящно обставленное, персональное умирание?

Гербарий. Стена, уходящая во мрак.

Она заставила себя смотреть. Не как жертва, а как картограф, составляющий карту враждебной территории. Каждый экспонат — послание. «Каталог методов», — прошелестел в голове голос её наставника по ядам. Камелия, чьи лепестки, сморщенные, как старческая кожа, застыли в попытке укрыть сердцевину, испещренную черными точками. Следы ритуальных уколов. Рядом — соцветие, подобное застывшему хрустальному фонтану, внутри которого, как в янтаре, был заточен крошечный пузырек воздуха. Последний вздох, пойманный в ловушку. Она читала их смерть. Запоминала

почерк убийцы. Своего мужа.

— Вы находите мою таксономию занимательной?

Голос проявился из тишины, словно всегда был здесь, просто даровал ей право его услышать. В его тембре скрежет несмазанных склепных петель странным образом модулировался в мелодию.

Итанэ обернулась. Грация её была отточена годами при дворе, полном кинжалов. Ни один мускул не выдал ни страха, ни отвращения.

Лорд Каэл. Садовник Мертвых.

Он был архитектурой. Каждая линия его высокой фигуры, от узких плеч до кончиков длинных пальцев, казалась частью готической постройки — ажурной, смертоносной. Кожа обладала прозрачностью пергамента, проступающего сквозь текст ушедших эпох. Сюртук цвета воронова крыла облегал его как вторая тень. Но лицо... Лицо было оружием. Аристократическая бледность, скулы, способные резать свет, и глаза — выцветший мох на заброшенном надгробии. Злоба — это пламя, страсть. В них же царил ровный, абсолютный холод. Холод анатома.

— Я нахожу её предсказуемой, — её голос был ровен, словно они обсуждали меню ужина. — Энтропия — удел дилетантов, лорд Каэл? Или это цитата вашей августейшей бабушки? Потому что Смерть, лишенная хаоса разложения, — это всего лишь скука. Вечность без кульминации.

Трещина в его фарфоровой улыбке стала на микрон глуб-

же.

— Бабушка учила меня эстетике финала, — парировал он, делая шаг. Воздух вокруг сгустился, запахло влажным мхом и сладковатым духом корней, пожирающих дерево. — Энтропия расточительна. Я же предлагаю консервацию совершенства. Апофеоз мгновения.

Шаг. Еще шаг. Он был уже вплотную. Сеть капилляров на его веках напоминала прожилки мертвого листа.

— Посмотрите на эту розу, — он указал на бутон оттенка запекшейся крови. — Она исторгала свой аромат в агонии три дня. Я впитал каждую ноту её страдания. Это и есть высшая форма служения. А что предлагаете вы? Вульгарное буйство красок? Крик жизни, который обрывается на полувзвук?

«Вульгарное». Это слово, повторенное дважды, ударило сильнее пощечины. Оно отзывалось в её душе оскорблением самой сути её магии, её Дома, её предков. Жар поднялся от сердца. Не спонтанный. Управляемый.

«Покажи ему крещендо».

— Вы боитесь полувзвук, — произнесла она, и её шепот был острее крика, — потому что не способны взять ноту выше. Вы коллекционируете финалы, потому что не умеете дирижировать симфонией.

Она сфокусировала волю. Магия хлынула в пол, в самый центр застывшего на срезе крика. Тонкий, как игла, росток пронзил не камень — он прошил насквозь боль, заточенную

в янтаре. Он вобрал её, смешал с силой Итанэ и раскрылся у ног Каэла крошечным, ослепительно-черным листком.

Это была не жизнь. И не смерть. Симбиоз. Нечто, чему ещё не придумали названия.

Каэл замер. Его дыхание, лишённое тепла, на миг коснулось её виска. А потом она увидела это. В его глазах, в этих холодных озерах тлена, впервые за долгое время промелькнула тень не просто удивления — священного ужаса ученого, чей незыблемый закон дал трещину. Его пальцы, до того момента безупречно неподвижные, дрогнули. Почти незаметно. Но она заметила.

И поняла. Она только что совершила нечто гораздо более опасное, чем бунт. Она показала ему зеркало, о существовании которого он не знал, и пробудила голод, которому у него не было имени.

— Что ж... — его голос упал до интимного, страшного полусшепота. — Кажется, брачный контракт будет дополнен новым пунктом. Добро пожаловать домой, леди Итанэ. Уроки начнутся немедленно.

Глава 2. Анатомия увядания

Сон разбился визгом клавесина. Итанэ распахнула глаза, хватая ртом воздух — всё ту же сухую, мумифицированную лаванду. Сердце колотилось в горле. Ей снился Солнечный Лабиринт её дома: цветы, поющие гимны, ароматы, от которых кружилась голова. Но во сне лепестки обращались пеплом, а извивающиеся корни выползали из почвы и душили стволы. Пророчество. Или предупреждение её собственной интуиции.

Она села. Клавесин в сердце замка продолжал свою сарабанду. Здесь не было рассвета. Свет, сочащийся сквозь витражи из обсидиановых и агатовых осколков, был не наступлением дня, а разбавлением ночи — серая, пепельная взвесь, в которой мебель теряла очертания, превращаясь в надгробия.

Постель была холодна. Каэл не пришел. Их брачная ночь осталась незавершенной: он исчез после сцены с черным листком, обронив угрозу-обещание уроков. Итанэ провела ладонью по простыням. Никаких следов. Он даже не ложился. Станный укол внутри. Не обида. Не разочарование. Что-то третье, для чего у неё не было названия. «Он — чудовище, соблюдающее правила. Предсказуемое чудовище. Уязвимое чудовище». Так она решила.

Служанка вплыла бесшумно. Лицо под капюшоном —

мрак, руки — пергаментная кора. Завтрак пах золой и горьким медом.

— Лорд Каэл ожидает вас в Оранжерее Плачей.

— А если я откажусь?

Старуха подняла лицо. Глаза без зрачков, подернутые молочной пленкой, смотрели сквозь Итанэ.

— Тогда он будет вашим провожатым. И ваш путь станет... познавательным.

Коридор в запретное крыло был живым.

Итанэ шла, и стены вокруг неё пульсировали в такт чувовищному, инфразвуковому гулу — низкому, утробному, ощущаемому не ушами, а костями. Вместо лиан по камню вились сосуды. Вены. Полупрозрачные, багровые от струящейся в них жидкости, они оплетали своды, перекрещивались, сокращались в медленном, нечеловеческом ритме. Это была кровеносная система замка. Итанэ уловила знакомый сладковатый запах — эссенция разложения, очищенная, дистиллированная, превращенная в питательный раствор. Эти вены кормили Сад. Питали смерть, чтобы та могла цвести.

Оранжерея вздымалась собором из стекла и кости. Мертвый свет падал с купола на ровные шеренги саркофагов. И из каждого тянулись растения. Бледные, полупрозрачные, вырезанные из лунного камня. Их бутоны — десятки, сотни — были повернуты к ней, как головы безглазых прихожан, внимающих литургии. И они плакали. Беззвучно. Давление чужой агонии ударило в грудь, сдавило виски. Мольба, беспо-

мощность, вечное, застывшее страдание — эмоциональный шум, вплетенный в воздух.

— Мой гарем, — произнес Каэл.

Он выступил из-за саркофага, и Итанэ на мгновение потеряла дыхание. Сюртук его был белым. Девственно, вызывающе белым, без единого пятнышка, в то время как вокруг цвела и разлагалась сама суть Увядания. Он был как чистый лист пергамента, на котором пишут приговоры.

«Тактический анализ», — пронзила её мысль. Она смотрела на цветы, и её разум, вышколенный годами подготовки, заработал с холодной ясностью. Бывшие жены. Ненавидят его. Можно ли разорвать эту связь? Можно ли дать им голос? Или обратить их гнев в оружие?

— Вы привели меня, чтобы запугать, — произнесла она, заставляя голос звучать ровно. — Напрасно. Я в вашей власти без дополнительных демонстраций.

— Запугать? — Каэл наклонил голову, и в его глазах мелькнуло нечто похожее на разочарование учителя. — Запугивают скот. Я же предлагаю перспективу. Смотрите.

Он сорвал цветок. Движение было резким, намеренно небрежным. Стебель дернулся, как живая плоть, и из надлома выступила перламутровая слеза, тут же испарившаяся. Эхо боли пронзило воздух, и Итанэ почувствовала его кожей.

— Леди Эльза. Вторая. Амбициозная. Эксперимент рядом провалился. Теперь у неё есть вечность для рефлексии.

Он вложил лилию в её ладонь. Итанэ вздрогнула. Плоть цветка была теплой. Влажной. Живой. Прикосновение было не ботаническим. Это было рукопожатие с обреченной душой.

И душа заговорила.

Не словами — потоком образов. Флакон с опалесцирующей жидкостью. Дрожащая рука, сыплющая порошок в кубок. Ядовитая улыбка торжества. А затем — холод. Ужас превращения. Бесконечная, спрессованная в янтарь паника.

Страх леди Эльзы был настолько чистым, настолько концентрированным, что выжег собственный страх Итанэ дотла. Он выжег колебания, оставив лишь холодную, кристальную ярость. Это было то, чего она ждала. Крещение огнем чужого страдания.

— Отпустите, — процедила она.

— Нет, — Каэл перехватил её запястье. Хватка — корни, вырастающие в скалу. — Сначала поймите. Это, — он обвел взглядом саркофаги, — инкубатор. Не тюрьма. Они были бесплодны в своей магии. Здесь они обрели истинное предназначение. Они питают мой род, мою силу. Они — ноты в симфонии Увядания. Безмолвный хор, поющий вечность.

— Рабы в хоре. Фальшивые ноты.

Он пропустил её слова мимо ушей.

— Вы — другое. Ваш дар... он уникален. Соединив его с моим, мы сможем не просто питать, но сочинять. Создавать новые формы бытия. Тот черный листок — это была прелю-

дия. Я предлагаю вам дописать симфонию вместе. Стать со-автором. Не экспонатом.

Он отпустил её. Отступил на шаг.

Итанэ осталась стоять, сжимая в ладони трепещущую лилию. Сознание Эльзы билось в пальцах, как птица с перебитыми крыльями. Она смотрела в глаза мужа, и мысль, острая, как скальпель, рассекла её разум. «Соединить дары. Именно этого хочет и мой Дом. Соединить, чтобы стерилизовать. Чтобы уничтожить». Трагическая ирония ситуации обрушилась на неё ледяной волной. И Каэл, и её собственная семья хотели одного и того же ритуала — но с разными целями. А она была точкой пересечения. Жертвенным ножом, который должен ударить в обе стороны.

Решение пришло мгновенно. Она ещё не знала, какой выбор сделает в итоге. Но сейчас ей нужно было оружие. Знание. Власть.

— Хорошо, — её голос прозвучал, как удар камертона.
— Учите меня, лорд Каэл. Покажите мне, как дирижировать этим хором.

На лице Каэла проступила его трескающаяся улыбка. Улыбка человека, который только что заполучил редчайший экземпляр.

— Мудрый выбор, моя драгоценная невеста. Урок первый. Некромантия начинается не с мертвых. Она начинается с живых. С готовности отдать часть своей жизни добровольно...

Глава 3. Урок первый — Агония корней

Лаборатория покоилась глубже склепов, в скальном чреве, где дышал сам камень. Стены покрывали фрески, потемневшие от столетий, но сохранившие свою пугающую, болезненную живость. На одной Первый Садовник в мантии из сшитых листьев склонялся над Дендроидом-патриархом, чьи дупла-глаза истекали слезами смолы. Он не убивал его — он пил его предсмертный сон. Рядом бушевала Лепестковая Война: рыцари в доспехах из шипов скрещивали клинки с воинами, чьи щиты были сплетены из мертвых корней. Цветы и плесень, весна и тлен, в вечном, застывшем на известняке танце.

Но Итанэ смотрела на алтарь в центре зала. На каменной плите лежала роза. Мертвая. Не гербарный экспонат, не жертва консервации, а просто мертвая — состояние, почти неприличное в этой цитадели вечного Увядания. Лепестки, черные по краям, свернулись трубочками, обнажая хрупкий, как птичий скелет, остов соцветия. Запах был мимолетным и приторным — дух, предшествующий тлению.

— *Rosa Eterna*, Роза Вечности — голос Каэла донесся глухо. — Последний цветок из сада леди Амаранты, вашей прабабки. Сорван триста лет назад. С тех пор ждет.

Он стянул белые перчатки. Медленно. Почти церемонно. Итанэ заметила, как дрогнули его пальцы — длинные, бледные, с голубоватыми ногтевыми ложами. Трещина в броне. Тень уязвимости.

— Триста лет хранить мертвый цветок, — произнесла она, — ради одного ученика. Вы чудовищно дальновидны.

— Я хранил её не для ученика. Я хранил её, потому что она была последней нитью, связывающей меня с вашей кровью. Ещё до того, как совет матриархов придумал этот брак. Я... предчувствовал вас.

Признание повисло в воздухе, незваное и странно интимное. Итанэ не нашлась с ответом. Он думал о ней? О её крови? Задолго до того, как она сама узнала о своей судьбе заложницы-невесты?

— Положите руку на стебель.

Она повиновалась. Мертвая плоть растения была сухой, как пергамент, и холодной, как алтарный камень.

— Закройте глаза. Что вы чувствуете?

Тишина. Темнота. Бездна.

— Пустоту. Отсутствие.

— Именно, — прошептал он. — Смерть — это не противоположность жизни. Это её отсутствие. Как тишина — не враг музыке, а её отсутствие. И как тишина жаждет быть заполненной звуком, так смерть жаждет быть заполненной... сущностью. Мы, Дом Увядания, не отнимаем жизнь. Мы отзывается на голод пустоты. Это Первый Закон. Договор.

— Удобная теология для убийц, — она не открывала глаз.

— Мы не убиваем. Мы перераспределяем. Но сегодня...

— она услышала шелест металла о ножны, — сегодня мы будем не забирать. Мы будем отдавать.

Она открыла глаза. В руке Каэла блестел серебряный нож — узкий, как лист осоки, с рукоятью в форме увядшего бутона.

— Чтобы оживить мертвое, мало магии. Магия — топливо. Нужна сущность. Воспоминание. Эмоция. То, что превращает отсутствие в присутствие.

Он приставил лезвие к ладони. Замер. Долю секунды — но Итанэ увидела эту заминку. Увидела и поняла: то, что он сейчас сделает, причинит ему боль. И он боится. Боится показать эту боль ей.

Лезвие вошло в плоть. Кровь была черной, как смола, и густой. Она закапала на мертвую розу, и каждая капля впитывалась без остатка, словно в пересохшую глотку.

— Я отдаю... — голос Каэла сорвался на полутоне, но он справился. — Я отдаю ей свое одиночество. Знание, что я — последний, кто слышит голос Увядания. Не потому, что нет других, а потому, что они не желают слушать. Для них это политика. Для меня — литургия. Я отдаю этот холод. Это молчание в ответ на молитву.

Роза дрогнула. Один лепесток, самый черный, шевельнулся, и по его кромке пробежала микроскопическая искра.

— Теперь вы, — он протянул ей нож, и она увидела, что

он не зажимает рану, позволяя крови течь. — Отдайте ей то, что делает вас вами.

Холод рукояти. Сталь, ждущая её выбора.

Что отдать? Ненависть? Она была её оружием. Тоску по дому? Слишком предсказуемо. Слишком по-женски, в духе того образа жертвы, который они пытались на неё надеть.

Она выбрала свет. Самый ослепительный. Из чистого, холодного расчета. Пусть он увидит, чего лишен навеки. Пусть его драгоценная пустота поперхнется настоящей жизнью.

Лезвие коснулось пальца. Вспышка боли — чистая, как горный воздух. Алая капля упала на лепестки.

И вместе с ней она отдала воспоминание. Запах жимолости на рассвете. Голос матери, напевающий колыбельную. Первый подснежник, выращенный ею в пять лет, — его отчаянная белизна, пробившая мартовский снег.

Алая искра встретилась с черной смолой.

И мир на мгновение утратил свои очертания.

В неё ворвалось чужое. Холодное, как вода в глубинном колодце, древнее, горькое, как полынный корень. Одиночество Каэла. Она ощутила его на вкус: бесконечная анфилада пустых залов, звук собственных шагов, эхо молитвы, на которую никто не ответит.

И в то же мгновение она поняла, что он чувствует её. Каэл дернулся, как от удара током, его глаза расширились. На виске вздулась и мгновенно опала жилка, а в уголке глаза блеснула и исчезла, сморгнутая, непрошенная влага. Он про-

бывал на вкус её жимолость. Её рассвет. Её надежду. И это причиняло ему почти физическую боль.

Роза раскрылась.

Цвет её был черным — не цветом траура, но цветом потенциала, цветом неба за мгновение до творения. Лепестки разошлись с тихим, влажным шорохом, обнажая сердцевину, где пульсировала точка света. И запах... Озон. Гроза, пронзающая воздух. А под ним, вторым слоем, — аромат влажной земли после ливня, запах семян, готовых прорасти. Запах ожидания.

Между ними, на алтаре из истории и камня, цвело нечто рожденное их одиночествами.

Итанэ чувствовала это. Невидимая ризома, симбиотическая нить, протянулась от её груди к цветку и от цветка — к нему. Три точки натяжения. Три ноты в невозможном аккорде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.